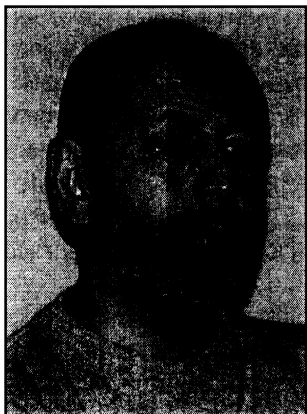

Дискурс-анализ как междисциплинарный метод гуманитарных наук

И. Т. КАСАВИН

Философский анализ проблемы дискурса означает шаг в сторону от традиционной академической философии в направлении того, что порой презрительно называют «постмодернизмом». «Дискурс» как понятие отличается высокой степенью неопределенности и дискуссионности; неясен его теоретический статус – быть может, это просто знак принадлежности к философской моде? Под вопросом остается и его дисциплинарная принадлежность – относится ли оно к лингвистике, политологии, социологии, эпистемологии? Вне сомнения можно констатировать только следующее. Дискурс-бум – следствие ряда интеллектуальных и социальных факторов: современных технологий связи и власти СМИ, активной междисциплинарной диффузии, лингвистического поворота в философии и введения термина «коммуникация» в философское употребление¹.

¹ В античности и средневековье термин «коммуникация» (communicare – разделять) применялся в основном для описания разговора человека с Богом. Впервые как философский термин использован, видимо, К. Ясперсом. См.: Jaspers K. Vernunft und Existenz. München, 1960. S. 60. Рассматривая историю термина и понятия «дискурс», желательно избегать «презентистской ошибки» и не оборачивать на античность, не знавшую этого термина, современные представления.

Существует множество «теорий» и «дефиниций» дискурса. Самое общее, мягкое и общепринятое определение идентифицирует дискурс с аргументативной коммуникацией. Недостаточность его, а также необходимость понять, что дает теории познания разработка и использование этого термина и понятия – исходный стимул для нашего рассмотрения.

1. К ИСТОРИИ ТЕРМИНА И ПОНЯТИЯ

Внимание к термину и понятию «дискурс» было привлечено, по-видимому, в ту историческую эпоху, когда тексты начали избавляться от анонимности и вставал вопрос об их генезисе в процессе личного творчества и языковой коммуникации. Термин «дискурс» происходит от латинского «discurrere» – «обсуждение», «переговоры», даже «перебранка». Впервые в этом значении он стал использоваться в эпоху Возрождения². Впрочем, добавлялись и другие оттенки смысла: «говорить о вещах общественных так, как это соответствует их природе»³. Тем самым дискурс становился формой удачно построенной речи, путем, «который ведет от *inventio* через *dispositio* и *elocutio* к *memoria* и *pronunciato*», полагает П. Рикер⁴. Этот метод совершенного способа выражения артикулирует способности разума и извлекает сокрытые истины из существа предмета.

В начале Нового времени с дискурсом стали связывать обсуждение научных проблем в типичном для той эпохи эссеистском стиле с использованием национального (а не латинского) языка – взять хотя бы известные примеры Макиавелли, Галилея и далее Руссо⁵. Экспериментальное мышление ученого требовало иного стиля (позже зафиксированного в форме «экспериментальных эссе» Р. Бойля), неформального, соответствующего поисковой, не заданной постулатами исследовательской ориентации.

² Обычно историки здесь упоминают Дж. Савонаролу. См.: Böhler D., Gronke H. Diskurs // Ueding G. (Hg.). Historisches Wörterbuch der Rhetorik. Bd. 2. Tübingen, 1994.

³ Cavalcanti B. La retorica. Venedig, 1569 (1559). P. 4.

⁴ Ricoer P. Geschichte und Rhetorik // Der Sinn des Historischen. Geschichtsphilosophische Debatten. F/M., 1996. S. 108.

⁵ Вот лишь несколько примеров: Niccolo Machiavelli. Discorso sopra il riformar lo Stato (1540); Rene Descartes. Discourse de la methode (1637); Galileo Galilei. Discorsi e dimostrazioni matematiche intorno a due nuove scienze (1638); Robert Boyle. A Discourse of Things above Reason (1681); Gottfried Wilhelm Leibniz. Discours de Métaphysique (1686); Jean-Jacques Rousseau. Discours sur les sciences et les arts (1750).

Одновременно происходила определенная догматизация самого дискурса, приводящая к другому его пониманию. В этом контексте историческая миссия дискурса состояла в создании «функционального эквивалента божественному откровению»⁶. «Дискурсивным» стало называться такое систематическое, методическое и в особенности понятийное мышление, которое последовательно, по частям представляет некоторое целое и тем самым делает его познаваемым (Р. Декарт). Оно было призвано компенсировать недостаток гносеологической способности человека приходить к необходимому знанию путем непосредственного созерцания. В силу линейной последовательности такого рассуждения дискурс как монологически построенная речь, как письмо, как систематический (в перспективе – научный) трактат в дальнейшем противопоставлялся устному разговору, диалогу, повседневной речи. Монолог содержал в себе постоянные акты самореференции говорящего, которые разворачивали ее собственную внутреннюю динамику⁷.

В XVIII в. дискурс и трактат сосуществуют друг с другом, причем дискурсивно-эссеистически порой обсуждаются естественно-научные проблемы, а систематически трактуются гуманитарные (Г.К. Лихтенберг)⁸. В XIX в. из формы презентации точных наук практически полностью выживается литературность. Даже их эмпирический компонент отныне не допускает свободы изложения и должен подчиняться формально-логическим критериям. Дискурс мигрирует в область эстетического, в сферу реалистического и натуралистического французского романа и готовит стилистическую базу для формирующихся гуманитарных наук.

В прошлом столетии возникают многочисленные теории дискурса, которые в основном относятся к двум направлениям. Это, во-первых, немецкая школа, которая, опираясь на Канта и англо-американские теории языковых актов, формулирует этические принципы дискурса в рамках теории коммуникативного действия⁹. Во-вторых, речь идет о французской школе дискурса-анализа¹⁰, которая объединяет критику

⁶ См.: Diskurs: Begriff und Realisierung / Nennen H.-U. (Hg.). Würzburg, 2000. S. VIII.

⁷ См.: Stierle K. Gespräch und Diskurs. Ein Versuch im Blick auf Montaigne, Descartes und Pascal // Stierle K., Warnung R. (Hrsg.). Das Gespräch. München, 1984. S. 297–334, 304–306.

⁸ См.: Schöne A. Aufklärung aus dem Geist der Experimentalphysik. München, 1982.

⁹ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000.

¹⁰ См.: Фуко М. Порядок дискурса: инаугурационная лекция в Коллеж де Франс 2.12.70 // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 49–96; Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.

рациональности Ницше и Хайдеггера с постмодернистски понятым неоструктурализмом и отождествляет дискурс с феноменом власти. И, в-третьих, понятие дискурса проникает в психологию, этнографию, социологию и другие социально-гуманитарные науки¹¹, а также в теологию, фактически претендуя на статус *междисциплинарной методологической программы*¹². В целом, как полагает В.В. Мароши, очевидны две тенденции, которые могут сходиться воедино или дистанцироваться друг от друга. С одной стороны, «дискурсом» называют любую речевую (коммуникативную) практику, включая сюда и невербальные единицы (жест, мимику, движение тела и т.д.). С другой стороны, сферу дискурса ограничивают «дискурсивным» рассуждением (логико-формализованным, понятийным, терминологичным и т.д.)¹³.

2. ДИСКУРС В ТЕОРИИ КОММУНИКАТИВНОГО ДЕЙСТВИЯ

«Дискурс» – понятие не чисто эпистемологическое. Напротив, его характерной чертой является существенная политическая, социальная и моральная нагруженность. Это выражает собой «дискурс-этика» Ю. Хабермаса¹⁴. Согласно данной теории, «дискурсы представляют собой intersубъективные процессы обоснованной коммуникации, нацеленной на взаимопонимание»¹⁵. Свойства intersубъективности и языкового обмена дополняются рефлексивностью: дискурс возникает лишь тогда, когда обычно не подлежащие сомнению основания языка, действия и мышления подвергаются проблематизации. Дискурс предполагает спор об основаниях. При этом участники стремятся снять конфликт путем обоснования собственной позиции. Однако это должно быть не обыденное обоснование в контексте частной ситуа-

¹¹ См., например: Harre R. Hybrid Psychology: The marriage of discourse analysis with neuroscience // Kasavin I. (Ed.). *Knowledge and Society*. Moscow, 2005; Potter J., Wetherell M. *Discourse and Social Psychology: Beyond Attitudes and Behaviour*. L., 1987; Gilbert G.N., Mulkay M. *Opening Pandora's Box: a sociological analysis of scientists' discourse*. Cambridge, 1984.

¹² См.: Касавин И.Т. Контекстуализм как методологическая программа // *Эпистемология и философия науки*. 2005. Т. VI. № 4.

¹³ См.: Мароши В.В. Что есть дискурс? // *Дискурс*. 1996. № 2.

¹⁴ См.: Habermas J. *Diskursethik – Notizen zu einem Begründungsprogramm* // *Ders. Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*. F/M., 1983. S. 53–125.

¹⁵ Kleimann B. *Konfliktbearbeitung durch Verständigung. Überlegungen zu Begriff und Funktion des Diskurs* // *Diskurs: Begriff und Realisierung*. S. 128.

ции, но обоснование, значимое для острых социальных конфликтов и широкой общественности. Это должно быть также рациональное обоснование, наилучшее из возможных. В этом смысле дискурс выступает как процесс взыскательной аргументации. Правила аргументации задаются либеральной этической культурой собеседников (неограниченный круг участников, их равенство, честная артикуляция позиции, стремление к пониманию оппонента и т.п.). Цель дискурса – взаимопонимание в форме консенсуса или диссенсуса и таким образом продвижение в разрешении конфликта. В пользу практики дискурса в современных социальных условиях, считает Хабермас, свидетельствуют лучшие долговременные результаты по сравнению с практикой принятия авторитарных или догматических решений. Однако поскольку дискурс сам по себе не является гарантией успеха, он должен быть разумно институционализирован и обеспечен правовым образом, а также дополнен деятельностью других институтов.

Нетрудно увидеть, что цель такого дискурса – взаимопонимание – изначально предполагает себя, иначе дискурс невозможен. Поэтому целью хабермасовского дискурса на деле является лишь *включение в дискурс* тех, кто еще в нем не участвует, и постепенно приобщение их к либеральной культуре спора. Однако для такого приобщения требуется мотивация, независимая от целей данного дискурса, что возможно лишь с участием других институтов. Но в таком случае и сам конфликт может быть разрешен с помощью иных, достаточно влиятельных институтов, и нужды в дискурсе не возникает вообще. Дискурсивная этика представляет собой поэтому не более чем пропаганду определенной формы речевой коммуникации, пропаганду, которая ведется по мотивам, не имеющим отношения к природе дискурса как такового.

В сущности, понятие дискурса оказывается знаковым для социально-политического исследования, которое ориентировано не столько четкой методологией, сколько актуальной общественной проблематикой (политология). «В обоих известных лагерях (имеются в виду немецкая и французская школы дискурс-анализа. – И.К.) понятие дискурса занимает место, которое, собственно говоря, должен бы занимать анализ общественных институтов и отношений власти... В некоторых дискуссиях дискурсу угрожает судьба заклинания, да он уже есть сейчас таков – аналог всяких неясностей»¹⁶, – замечает критически настроенный немецкий исследователь.

Вместе с тем стремление представить дискурс-теории как социальные теории превышает возможности первых, ибо социальность

¹⁶ Brunner R. Praxis und Diskurs // Diskurs: Begriff und Realisierung. S. 142.

едва ли можно редуцировать к дискурсу. Это следует из различия языковых правил, по Витгенштейну, и правил социальных. Более того, как полагает Э. Гидденс, именно социальные правила, бессознательные, недискурсивные и являются *конститутивными* для эксплицитных дискурсивных правил (норм, законов и пр.), которые носят, в отличие от первых, характер *санкционирования*¹⁷ и оказываются своеобразной формой рационалистической идеологии.

Почему же философских теоретиков дискурса так заботит проблема рациональности и правил? Как только было осознано, что дискурс представляет собой живую деятельность, а не конечный результат, практическое, а не теоретическое предприятие, то вопрос о том, как обеспечить общую платформу дискурса, встал во всей остроте. Различие культурных традиций и социальных установлений не позволяет строить обсуждения важных проблем так, чтобы они могли быть услышаны людьми, принадлежащими к иной культуре и социуму. Поскольку же едва ли не все актуальные социальные проблемы порождены как раз «культур-шоком», социальной стратификацией и политическими конфликтами, то это делает дискурс и всякие призывы к нему как панацею, как правило, бессмысленными.

3. ПОНЯТИЕ ДИСКУРСА В ЛИНГВИСТИКЕ И ЕГО ИСПОЛЬЗОВАНИЕ В ЭПИСТЕМОЛОГИИ

Сегодня понятие дискурса индексирует собой двуединый сдвиг в центральной проблеме философии – проблеме обоснования знания: дискурс противопоставляется трактату, неспециализированное повседневное мнение – профессиональному экспертному суждению, в особенности при обсуждении проблем общественной значимости. Это понятие дискурса соответствует новой реалистической картине мира, которая отказывается от монотеоретизма и от наукоцентризма. Быстрое и широкое распространение термина «дискурс» в гуманитарных науках уже обозначило пределы его лингвистической определенности, но еще не дало его философского осмысления. Как же можно сузить и уточнить понятие дискурса?

Во-первых, из всех социально-политических оттенков смысла термина «дискурс» представляется теоретически значимым именно тот, который подразумевает *живой социальный акт дискуссии, или коммуникации*. Во-вторых, из лингвистических уроков наиболее поучительна теория *дискурса как прагматически ориентированного*

¹⁷ См.: Giddens A. Die Konstitution der Gesellschaft. Grundzüge einer Theorie der Strukturierung. F/M., N.Y., 1988. S. 73.

текста, которая восходит к работам Э. Бенвениста. Он отличал *текст* как безлично-объективистское повествование от *дискурса* как живой речи, предполагающей коммуникативные контексты (говорящего, слушающего, намерение, место, время речи). Их различие, по мысли Бенвениста, не совпадает с различием письменного и устного текста¹⁸. Тем самым, мы будем понимать *дискурс* как *неоконченный живой текст, взятый в момент его непосредственной включенности в акт коммуникации, в ходе его взаимодействия с контекстом*¹⁹. Чтобы понять дискурс, можно задать вопрос говорящему, понимание же текста требует «вопрошания контекста», контекстуализации письма, возможной лишь в процессе социокультурной реконструкции. В этом смысле *нет устных текстов*, поскольку доступ к любому тексту возможен лишь через его объективированного носителя, в анализе которого можно применить научный принцип воспроизводимости. Устным же в буквальном смысле, *связанным с устами*, т.е. незавершенным, живым, может быть лишь дискурс («прямой эфир»), пусть даже он реализуем не только аудио, но и визуальными способами, с помощью жестов, знаков, элементов письменного текста. И сам процесс письма является дискурсом постольку, поскольку еще не завершен и связан с автором: к примеру, это процесс рисования или письма учителя на школьной доске перед учениками, следящими за его деятельностью и готовыми задать вопрос.

Лингвистика дискурса

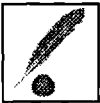
М. Холлидей выделяет четыре типа дискурса: производство текста; отнесение к нему и конструирование из него контекста ситуации; построение потенциала, лежащего за данным текстом и ему подобными; отнесение к нему и конструирование из него контекста культуры, лежащего за пределами данной ситуации и ей подобными²⁰. Содержательное уточнение этой типологии возможно на основе понятий текста и контекста, а также времени и смысла.

Возьмем определение текста немецкого лингвиста М. Диммлера: «Текст есть синтаксически, семантически и прагматически коге-

¹⁸ См.: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974. С. 276.

¹⁹ Кстати, как свидетельствует Н.С. Автономова (Деррида и грамматология // Деррида Ж. Грамматология. М., 2000. С. 92), «ранний Деррида, вопреки всем позднее закрепившимся смыслам, называет дискурсом «живое осознанное представление текста в опыте пишущих и читающих»».

²⁰ См.: Halliday M.A.K. The Notion of «Context» in Language Education // Ghadessy M. (Ed.). Text and Context in Functional Linguistics. Amsterdam/Philadelphia, 1999. P. 23.

рентная и завершенная последовательность языковых знаков»²¹. Принципиальное отличие дискурса в том, что он не завершен. Поэтому можно перефразировать приведенное определение так: *дискурс есть незавершенная последовательность языковых знаков, характеризующаяся частичной синтаксической, семантической и прагматической когерентностью*. В дальнейшем попробуем применить все то, что Диммлер говорит о типологии текстов, к нашей типологии дискурсов. Так, текст, а в нашем случае – дискурс, есть форма естественно-языковой практики. А эта практика складывается, по Диммлеру, из трех базисных и внутренне взаимосвязанных элементов: коммуникативной ситуации, функции текста (в нашем случае – дискурса) и его содержания.

Коммуникативная ситуация как основа типологии выражена в технической модели: «передатчик–канал–приемник». Передатчик, или производитель дискурса, во многих случаях определяет его природу (президентская речь, медицинская рекомендация, судебное разбирательство, супружеская ссора). Если носителем дискурса не является ответственное и компетентное лицо, то дискурс не может быть причислен к данному классу и наделен адекватным смыслом.

Реципиент также, пусть и не настолько строго, определяет класс дискурса (лекция предназначена для студентов, сказка – для детей, рассказ о любовных похождениях – для взрослых, сплетня о соседке – для женщин, спор на школьном собрании – для учителей и учеников, предложение взятки – для чиновника и т.п.). Однако на лекцию могут прийти коллеги, на школьном собрании присутствуют и родители, а дети обожают подслушивать не предназначенные для их ушей разговоры.

Канал представляет собой носителя языка, а основными каналами являются оптические и акустические. Помимо этого, важен учет временного фактора, задающего то, что может быть названо степенью «консервированности дискурса», т.е. разрыва между моментом его производства и моментом его потребления. Введение фактора времени в языковую коммуникацию позволяет выделить три аспекта, или три этапа бытия дискурса: первичную ситуацию, процесс консервирования и вторичную ситуацию. Этот тезис существенно дополняет нашу концепцию первичных и вторичных текстов²². С помощью ряда технических средств можно законсервировать дискурс и превратить его в текст. Тем самым он делается применимым в другое время, в

²¹ Dimmler M. Textklassenkonzepte heutiger Alltagssprache. Kommunikationssituation, Textfunktion und Textinhalt als Kategorien alltagssprachlicher Textklassifikation. Tübingen, 1981. S. 6.

²² См.: Касавин И.Т. Миграция. Креативность. Текст. СПб., 1998. Гл. 5.

другом месте и для других реципиентов, которые используют его в качестве предмета последующих дискурсов. Однако не только технические средства суть условия превращения первичного дискурса во вторичный. Без них часто невозможна и первичная ситуация (телевизор, радиоприемник, проектор и пр.), тем более что и в первичной ситуации часто используются «консервированные» дискурсы (магнитофонная музыка как театральное сопровождение, «фанера» и пр.). Если же понятие консервации истолковать с учетом функции дискурса и его содержания, то реальная картина приобретает совершенно иной уровень сложности.

Понимание *функции дискурса* основывается на том, что он как языковая деятельность имеет цель, мотив, результат. Дискурсу свойственны когнитивная, аксиологическая и прагматическая функции: он способен сообщать знания, влиять на эмоциональное состояние, побуждать к действию. Основной целью дискурса является не что иное, как координация деятельности людей в обществе. Средствами достижения этой цели выступает изменение ментальных состояний реципиента: его знания, оценок и ценностей, волевых импульсов. С точки зрения отнесения к цели дискурсы могут характеризоваться иерархией целей и подчиненностью всех промежуточных целей одной главной. Таковы так называемые гипотаксические дискурсы, примером которых может быть обвинительная речь в суде. Паратаксические дискурсы, напротив, служат одновременно нескольким независимым целям и потому являются функционально неопределенными. Таковы телефонный разговор, болтовня в курилке, радиопередача и т.п. В этом смысле каждый дискурс есть совокупность частичных функциональных текстов, каждый из которых также может быть поделен на соподчиненные или независимые части.

Содержание дискурса находит выражение в теме как срезе контекста, в котором он разворачивается. Любовная клятва, обвинение в супружеской измене, мечты о замужестве имеют одну и ту же тему, различаясь по функциям и ситуациям. Врачебная рекомендация по телевизору и совет аптекаря могут касаться одного и того же объекта, но иметь разные следствия. Тема представляет некоторый предмет или событие и делает это специфическим образом – с помощью отстранения, или дистанцирования. Один из способов дистанцирования определяется фактором времени: дискурс может быть дистанцирован во времени от события. В соответствии с этим дискурсы классифицируются на предваряющий, одновременный и последующий: прогноз погоды, спортивный репортаж, обзор событий и их вариации. Помимо этого, дискурс может быть дистанцирован и от места события; таковы рассказ о путешествии, нотация автоинспектора, визовое собеседование в консульстве, местные новости. Далее, дискурс характеризу-

ется степенью общности и может обозначаться как генерализирующий или сингулярный. Примерами первого типа являются инструкция или ритуальная клятва; примерами второго – рассказ о себе, отчет о работе, признание в любви.

Теперь добавим к паре «текст–дискурс» еще два члена – «контекст» и «смысл». Это позволит нам построить еще одну – методологическую – типологию дискурсов. Мы видели, что консервация дискурса превращает его в текст, который может выполнять функцию ресурса последующих дискурсов, а артикуляция текста есть условие осуществления дискурса. Тип дискурса, определяемый относительно текста, мы назовем «*текстуальным*». В нем находит реализацию процесс внутрисоциального производства смыслов, лингвистически он выражается в интер- и интратекстуальном взаимодействии, а его основной целью является сообщение знания или определенного эмоционального состояния. В общем, комбинирование текстов есть универсальный метод ведения дискурса, однако в наиболее чистом виде он характерен для профессионального оперирования с языком в науке и искусстве, когда смысл дискурса произведен от смысла ресурсных текстов. Прямым продуктом текстуального дискурса является создание «вторичных текстов».

Определение дискурса относительно ситуации дает «*ситуационный дискурс*». Его место – сфера социальной практики, а основная функция состоит в побуждении к действию. Судебная риторика, дискуссии в коллективе, выяснения отношений с близкими – примеры такого типа дискурса, в котором происходит внешнесоциальное производство смыслов: смысл речи определяется потребностями коммуникации и решения практических проблем. Искомым результатом такого дискурса является не построение текста, но нахождение подходящей речевой формулы для выхода из коммуникативной ситуации.

«*Интерпретативный дискурс*» есть результат определения дискурса относительно смысла. Место такого дискурса – ситуации понимания, поиски смысла во всех областях жизни, в науке и литературе, в межкультурном взаимодействии, в общении с природой. Его функция заключается в создании идеальных конструкций, уподобляющих окружающий мир семиотической системе и ставящих его в отношение к человеку. Это форма внутрисоциального производства знания, образующего ядро первичных текстов.

Подчеркнем, что в этом случае понятие смысла радикально изменяется: из него убираются все субстанциалистские коннотации. Это уже не что-то готовое, содержащееся в тексте, будь то ментальные репрезентации или формы поведения. Смысл трактуется как форма динамики знания, как способ расширения сознания. Приписывание смысла перестает быть рутинной процедурой сопряжения понятия и

имени; к ней возвращаются утраченные магические характеристики, делавшие слово священным, а смысл – тайной, сокрытой для непосвященных. Придать смысл знаку, предмету или действию значит отныне сотворить частицу мира.

И, наконец, еще один тип дискурса определяется относительно контекста. Это «*контекстуальный дискурс*» как форма внешнесоциального производства знания, которая представляет собой процедуры оперирования с контекстом: контекстуализацию, деконтекстуализацию, реконтекстуализацию. Здесь ресурсом и сферой реализации дискурса выступает контекст культуры: одни знаковые системы противопоставляются другим как центр и периферия, внутреннее и внешнее, между которыми происходит обмен содержанием. Так, формирующееся эмпирическое естествознание дистанцировалось от религиозных и моральных контекстов; так, современная теология использует для самообоснования научные данные; так, в современных постановках Шекспира актеры носят джинсы и смотрят телевизор, а детские бестселлеры эксплуатируют тему средневековой магии. Вторичность такого дискурса бросается в глаза, однако его результатом порой оказываются тексты, наделяемые статусом первичных.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Цель современного дискурс-анализа в широком смысле – распутать или хотя бы отчасти прояснить тайну языковой игры, над которой мучительно размышлял Л. Витгенштейн. Это значит описать игру, уточнить ее часто неясные правила, очертить ее границы и выявить ее участников, тренеров и судей. С точки зрения лингвистики дискурса в основе такого анализа должно лежать различие дискурса и текста как динамического и статического элементов языка, неоконченной и оконченной речи. Первая для своего понимания требует диалога с другим, вторая – диалога с самим собой (саморефлексии, интерпретации). Сама же деятельность рефлексии или интерпретации может быть понята как дискурс по поводу текста, контекста или смысла. Тогда динамика дискурса будет перемещением с одного уровня языка на другой, от одного типа дискурса к другому. Она оказывается миграцией, или обменом содержанием между синтаксисом, семантикой и прагматикой, между текстом, контекстом и смыслом. Дискурс – посредствующее звено между текстом и контекстом, позволяющее сделать один текст контекстом другого, вовлечь контекст в текст, внести

элементы текста в неязыковые контексты, придать смысл тексту и окружающему миру.

С точки зрения философии науки отличие дискурса от текста подобно относительному отличию метода от теории. Теория может выступать как метод решения частных задач, но метод – в более широком смысле – есть также и способ построения теории, и форма развертывания научного познания вообще. Метод (дискурс) выступает как динамическое, а теория (текст) – как статическое измерение знания. Метод – это что-то вроде серии пробных вопросов, которые под влиянием любопытства задаются миру (или самому себе), в то время как теория есть систематическое оформление полученного ответа согласно intersubъективным стандартам.

Эпистемологическое отличие дискурса вообще от текста вообще является ключевым и для различения философского мышления от обыденного и научного. Философская рефлексия, часто предстая перед нами в форме законченного текста, все же отличается своей принципиальной незавершенностью. Эта незавершенность, в сущности, не есть недоработанность, которая будет когда-то преодолена. Напротив, *это форма трансцендирования за пределы готовых семиотических и социальных структур, форма открытости, которая точке предпочитает вопрос, которая намеренно преобразует точку в вопрос, границы всякого текста расширяя до контуров культурного объекта, а культурный объект – до возможного мира вообще.*